

Александр Цыганов,
*член Союза писателей России,
обладатель Гран-при фестиваля
«Во славу Бориса и Глеба»,
г. Вологда*

НОЧЬЮ МЕСЯЦ ПЁК

Рассказ

Памяти мамы

Летней полночью она вдруг пробудилась от непонятного и ярко-го, как днем, света, казалось, заполнившего всю избу от самого подполья и до верхушки крыши. С трудом поднялась с кровати и, держась за деревянную переборку, добралась до передней комнаты к окошку.

Даже сквозь тюлеву, пообтрепанную от времени занавеску ее едва не оттолкнуло этим световым пучком, точно захотевшим проникнуть в самую человеческую душу. Но несмотря на преклонный возраст, она по-прежнему была не из робкого десятка и, торопливо перекрестясь, вгляделась через шторку в это диковинное ослепляющее свечение.

Прямиком издалека, от самого Иткольского, над всем бескрайним лесом все равно что вживую пекло — настолько беспощадно светило там от зависшего в темени месяца, выглядевшего каким-то болезненно зримым и совсем желтым, насквозь прозрачным.

Причем вел себя месяц странно: постоянно двигаясь то влево, то вправо, он внезапно срывался вперед, играя светом, и вновь также стремительно возвращался на свое неприкаянное место.

«Месяц-то как разошелся, — опажнуло ее, когда она вернулась обратно на еще купленную покойным мужем кровать. — Вовсю пекет: может, холодно будет».

И сразу неведомым образом ее унесло туда, в пору самого настоящего лютого холода, когда еще с тремя малолетними сыновьями-погодками им зачастую доводилось даже полуодетыми спасаться зимними вечерами на морозных задворках собственного дома от вечно пребывающего во хмелю хозяина, способного запросто отправить любую человеческую душу на вечный покой. Может, потому самый младший как-то настолько крепко простудился, что вскоре незаметно и истаял, а остальные ребятки,

лишь встали на свои ноги, сразу покинули эти края; и больше о них не было ни слуху, ни духу, даже об отцовской кончине ничего не ведают.

И только мать в родимой до последнего травяного проулка Славянке продолжала неустанно охранять для них свой дом, теперь оставшийся единственно жилым в этой когда-то большой и веселой деревне.

Между тем, сейчас который день вовсю парило: воздух в избе был пугающе тяжел, не давая толком раздышаться, и в этом мареве все кругом чудилось сырым и неясным, зыбким. Но даже это не сравнилось бы с той тяжестью, что опять в который раз и обрушилась на нее, накрывая удушущим пологом прошедшего, но никогда не забываемого...

В ту пору она здесь же, в спальне, лишь на полу, на старых фуфайках, решительно закрыла своих спящих крошек от взмахнувшего над ними топором своего незабвенного хозяина; и с той минуты, внезапно став белее белого снега, ее цыганисто-вьющиеся волосы навсегда сделались длинными неряшливыми нитями, не сразу промываемые даже речной проточной водой.

«Окстись с Богом», — только и сказала она тогда, так посмотрев ему прямо в глаза, что он, хвативший смертельного лиха еще в армейском прошлом и уже накрепко, до беспомысленности друживший с горькой, опустил губительное железо и, наверное, впервые для себя отшагнул назад.

Но с некоторого времени, давно уже не первый год, это самое железо, правда, изрядно поржавевшее, и пребывает неизменным спутником у ее одинокого изголовья: нынче, куда ни ткнись, везде не до покоя — повсюду случаются лихие люди, такие настали времена.

И больше уже никогда не разыграет на всю округу знаменитая кирилловская трехрядка в зарастающих без разбора бурьяном и непобедимодикой крапивой в этих некогда светоносных краях. И незамедлительно, будто в подтверждение этого, из привычного вневременного состояния ее чутко вернул обратно сюда какой-то сторожкий и одновременно отчетливо-закононый звук, и это уже было не забытьем, а самой обычной явью. Сейчас там, на избных задворках, что-то безотрывно и осторожно копошится: может, кто-то чужой в самом деле задумал сотворить что-нибудь неладное с ее жилищем?

А тогда с какой стати не один раз кряду еще недавно приносила сюда нелегкая чужих мужиков с какими-то бумагами, пока она, не осерчав, и собралась было начальству пожаловаться?.. И ныне, вновь поднявшись с кровати, она нашарила в изголовье ту самую поржавевшую, когда-то разрушительную железягу. После чего медленно, шаг за шагом, она двинулась по избе, к выходу на крылечко, не выпуская из рук расхлябанного, отполированного годами топорща.

А закононо-серебристое свечение уже успокоенно, с лунным равнодушием разлилось на всем окружающем, безрадостно показывая скучное комнатное убранство вовсе безликим и тусклым, безжизненным.

Даже случайный отсвет, знобковато скользнувший с улицы в прихожую, где она разнимала литой ржавый крючок с запираемых на ночь дверей, только мимолетно, ровно нехотя коснулся седой негнущейся женщины в исподнем и с широко расставленными немигающими глазами.

Зато крупная, лопаткой, завертка в крытом тесном крыльце отмыкалась запросто и свободно, выказывая взору летнюю улицу — глухую и пыльную, давно безлюдную. Здесь, на воле, во всеохватной темени слег-

ка шелестели березовые листья в палисаднике, а еле угадываемая деревенская дорога была, как всегда, на все стороны тиха и пустынна.

Привычно, для отпугивания всякого лиха, она сначала обстучала обухом передний угол избы и шагнула было к отводу с покосившимся штакетником, туда, к задворкам дома, но невольно замерла на месте.

Перед глазами разом, едва не въяве, и встала эта самая улица, кажется, еще вчера со всей округи заполненная гостями, от души гулявшими от одного края и до другого, век не забудется. Веселее выборов, даже самих «майских» праздников, отмечалось лишь главное деревенское торжество — Девятая: девятая пятница после Пасхи.

И до самого утра, до первых заполонных петухов гуляющий люд старательно обмахивался пьянящими, сводившими с ума своим запахом густыми ветками сирени, тогда еще дружно разросшимися до самого князька их дома, по-хозяйски расположившегося посерединке деревни.

В бледно-серой крепдешиновой юбке и ситцевой, во всю расшитой голубыми листочками кофте, и она неожиданно для самой себя в одночасье вылетела на перепляс с закадычными подружками, поначалу долго не решаясь.

Но только дошло до дела — и в новых, из парусины, синеньких туфлях, гордо вскинувшись и всплеснув руками, она лихо пошла дробить возле своего цветущего огорода по вытопанной добела тропке.

В теперешнюю пору один лишь Дьявол Дух и остался тут, а по их дороге с двумя десятками нежилых домов заедет сюда в горку разве что продуктовая автолавка, да еще раз в неделю сельсоветская «помогалка» покажется: наскоро подсобить немощной женщине по ее немудреному хозяйству. И она, беззвучно шепча родные, спасительные для всякого крещеного слова, открыла заскрипевший отводок и в обход, шажками направилась на задворки, хотя с той стороны, похоже, подозрительное копошение к этому времени подзатихло, уже не слышалось.

И при дневном свете было бы нелегко двигаться этим огородом: недолго оступиться, либо вовсе растянуться, моргнуть не успеешь. Захваченный в полон вездесущим сорняком и, в полный рост, розовыми кустами иван-чая, он был наподобие ловушки из-за прожорливо вылезших изпод земли многочисленных корней, что повсюду расплзлись заматеревшими, длинными щупальцами.

Но она, держась самой стены, обшивки дома, опять же неторопливо обошла громоздкую в темень избу и оказалась у хлева на задворках, откуда тотчас обдало ее легкой свежестью, с пустых деревенских полей на несло.

А еще под горушкой, в самой низине их огорода, одинешенько придулилась баня, кособокая и никому не нужная, отрезанная от большой дороги полусгнившим забором из ольхового и березового кольца.

Бог знает, когда и каким ветром были занесены сюда, на задворки дома, летучие семена вишни, рябины и черемухи с яблонями, но нынче они волшебным образом превратились в небольшой, сказочно живой сад, не только радуя глаз, но и надежно закрывая дом от любой непогоды.

А рядом, втесную к самой стене, присоединилась еще ладно выструганная широкая лавка: еле успел хозяин до своего ухода управиться, даже кустик красной калины подсадил, долго возился.

И потом до последнего дня его самого отчего-то неудержимо тянуло в это нелюдное покойное место, где из знаемой лишь им молчаливой жизни все одно что насквозь была хорошенько видна вся их округа. И

особенно — тот край Пятницкого кладбищенского заворота, где с незапамятных пор покоился по его образу и подобию самый младший, единственно любимый сын, что, не успев толком порадоваться на белом свете, в одноразку и свернулся на его руках, навсегда уже вынув отцовскую душу.

А обнесенная сверху и с боков тесаными досками эта лавка была еще уютно обита войлоком и заботливо обустроена для подзголовья диванной спинкой, лучшего места для отдыха и не найти.

«А как у нас дювья-то стало, — даже с какой-то забытой радостью подумалось ей тогда. — Ведь стойно в раю: только бы жить да жить».

И именно с этой вольной райской стороны она однажды в многолетней давности и увидела будущего суженого, разве такое забудется?.. После своей демобилизации он сразу и появился у них на гулянке, подпало как раз к девятой пятнице после Пасхи.

Из-за реки, со своих неблизких иткольских краев, как в той знаменитой песне, он тоже в защитной гимнастерке и «спустился с горочки»: невысокий и ловкий, в фартовых хромовых сапогах и лихо заломленной военной фуражке на черноволосой голове. А когда еще с шутками и прибаутками очутился с переплясом в их круге, так взглянув на нее, разом вспыхнувшую в своей ситцевой расшитой кофте, что подружки и сами быстренько уступили место этой не по-деревенски баской паре.

С того самого дня для нее больше не было никого дороже: этому лучшему на свете улыбчивому иткольскому парню она отдала на всю жизнь весь жар своего молодого и верного девичьего сердца.

В это время сюда к ней, на окрайку дома, заглянула с другого боку неугомонно-прозрачная луна и, наскоро облив все вокруг холодным светом, вдруг наткнулась на подготовленный костерок: в двух шагах от остановившейся хозяйки был, такой и немудрено с ходу прозевать в темени.

Оставалось только поднести огонь к умело собранному стожку из нажористого сушняка да прочего дворового мусора, и тогда уже в два счета было бы тут одно пустое место. Все говорило о том, что кому-то совсем уже неумогу понадобилось нынче нарушить это жилище, сровнять его с землей.

Придя в себя от увиденного, она мертвой хваткой сжала надежное длинное топориче и, осмотревшись, изо всех сил прислушалась к любому маломальскому шороху. Но долгая, не нарушаемая даже птичьим посвистом тишина этой зыбкой летней ночи подтвердила, что если кто-то и был в их заулке, то успел быстро и незаметно раствориться в неизвестном направлении, вспугнутый бесстрашной хранительницей дома.

И тогда она, потихоньку отдышавшись, решила, что никуда больше отсюда не денется: несмотря ни на что, будет обязательно находиться в своем огороде хоть до утра, до самого рассвета, сколько понадобится.

И, продолжая все так же нашептывать спасительные, столь нужные каждому крещеному слова, она решительно села на хозяйскую лавку, держа крепко-накрепко, как солдат — оружие, свое поржавевшее железо на длинном и тяжелом топориче.

В последнее время и без того уже больно много развелось желающих за чужой счет поживиться — не свое к рукам прибрать; так, сама того не ведая, она, может, и насовсем сумела в этот день отвести неминуемую беду от их осиротевшей Славянки.

А на недостижимой высоте загадочно спящего в этот предрассветный час мироздания, не иначе, как ей в помощь, на смену уже бойко не пекшей луне, внезапно светло и ясно распахнулось бездонное небесное покрывало. И торжественно запереливалось на всю округу серебристо вспыхивающими праздничными иголками.

И где-то далеко внизу, в самой благодатной глубине этого неповторимо-светящегося мира, на одной маленькой и вгустую переполненной земле, отныне увиделся осиянный уголок и для одинокой женщины в белом одеянии, что с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше.

